

Саркарова Наила Ахедовна

Sarkarova Naila Akhedovna

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета

PhD, Associate Professor, Philosophy, Social and Political Sciences Department, Dagestan State University

О НЕКОТОРЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА В КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

CASES OF EXTREMISM IN CULTURE: A PHILOSOPHICAL ASPECT

Аннотация:

В статье на основе понимания культуры как универсальной системы социального кодирования раскрываются некоторые особенности философской метрики оценки экстремизма. Последний представляется как определенная деформация в действии культурного кода. На этой методологической базе анализируются пути преодоления экстремизма в культуре. На различных примерах обосновывается недопустимость эксклюзивной, разделительной культурной политики, формирующей запретительную стратегию, где одна матрица культуры объявляется правильной, а другие – неправильными. Утверждается важность формирования в обществе инклюзивной, множественной культуры, в которой непротиворечиво и толерантно сосуществуют различные оценочные концепты. Таким образом, автор вместо радикальных форм борьбы с экстремизмом предлагает эффективный путь его преодоления через формирование инклюзивного мышления и инклюзивной культуры, а также выявляет различия в содержании близких по значению понятий «толерантность» и «эксклюзивность».

Ключевые слова:

культура, культурный код, экстремизм, запретительная стратегия в культуре, эксклюзивная культура, инклюзивная культура, толерантность.

Summary:

While regarding culture as a universal system of social coding, the author reveals several aspects of the philosophical metrics of extremism treated as a deformation of a cultural code. This methodological basis helps analyze the ways of overcoming extremism in culture. Based on various examples, the research substantiates the inadmissibility of the exclusive, dividing cultural policy generating the prohibitive strategy where one culture matrix is declared correct and the others are incorrect. It is argued that it is important to create an inclusive multiple culture providing the consistent and tolerant coexistence of various evaluation concepts. The author proposes an effective way to overcome extremism through the development of inclusive thinking and inclusive culture instead of the radical fight against extremism. The researcher reveals the differences in terms 'tolerance' and 'exclusivity' having a similar meaning as well.

Keywords:

culture, cultural code, extremism, prohibitive strategy in culture, exclusive culture, inclusive culture, tolerance.

Когда говорят об экстремизме, то прежде всего имеют в виду существование его в политической и религиозной сферах. На самом деле экстремизм может проявляться во всех областях общественной и духовной жизни, где абсолютизируется какая-то одна метрика видения и оценки мира, одна модель мышления и поведения или один механизм общественного устройства, в чем бы это ни выражалось. Экстремизм во множестве форм широко представлен в исследованиях по различным наукам: культурологии, психологии, конфликтологии, праву, политологии и т. д. Он всегда находился и в поле философского дискурса, начиная от учения Сократа (к слову, ставшего жертвой интриг экстремистской направленности) и заканчивая марксистским революционизмом, экзистенциальным нигилизмом и современным постмодернизмом.

Выявление особенностей философской метрики изучения экстремизма предполагает некоторое смещение исследовательских акцентов. Известно, что тональность большинства публикаций по теме можно выразить словосочетанием «борьба с экстремизмом» по разным «фронтам»: политическому, религиозному, этносоциальному и т. д. И ситуация, и терминология напоминают боевые действия, как бы парадоксально это ни звучало. Философия, в отличие от иных специализированных подходов к изучению теории и практики экстремистской деятельности, должна рассматривать их на макроуровне, принимая культуру за определенную форму адаптации человека в социоприродном пространстве, ассоциируя ее с определенным культурным кодом. Как нам представляется, философское измерение экстремизма предполагает более «мягкие», рациональные, общекультурные средства преодоления экстремизма, без драматургии острой и непримиримой борьбы, через когнитивные и адаптивные механизмы включения человека в окружающий природный и социальный ландшафт.

Таким образом, особенности философского дискурса экстремизма связаны не с прямой борьбой, а с попытками его преодоления через изменение, «перепрограммирование» культурного кода, сформированного всем опытом предшествующего развития.

Понятие «культурный код», имеющее определенный семиотический посыл, достаточно часто используется в философии и других науках. В свое время оно было хорошо разработано основателем семиотической концепции культуры Ю.М. Лотманом. Популярность термина возросла после известной статьи В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», где он упомянул о *едином культурном коде россиян* [1]. С этого момента началось его активное внедрение в исследовательский дискурс [2].

Авторитетный как на Западе, так и в России философ и культуролог Г. Хофстеде, автор так называемой операциональной концепции культуры, существующей в виде социетальных ценностей, позволяющих сравнивать различные ее национальные и региональные формы, трактует культуру как «коллективное программирование разума, которое отличает членов одной группы или категории от других» [3, р. 6; 4, р. 17]. Такое целевое программирование осуществляется посредством социализации людей, приобщения их к определенным ценностям. Последние понимаются как «общая склонность предпочитать одни ситуации другим», образующая «ключевой элемент культуры». Эта социетальная культура трактуется как конструкция, базирующаяся на индивидуальной «общей склонности» предпочитать одни ситуации другим, но выявляемая путем формирования и интерпретации кластеров («измерений культуры») [5, р. 31].

Таким образом, если понимать культуру как универсальный социокод, обеспечивающий комфортное вхождение человека в общественное целое, то есть смысл рассматривать экстремизм как определенную *деформацию* этого культурного кода, обеспечивающего эффективную преемственность поколений. Эта деформация может возникнуть в результате действия различных механизмов.

Во-первых, экстремизм может быть следствием и формой самоисключения человека из господствующего в обществе культурного кода.

Во-вторых, он может быть проявлением крайностей в поиске и определении своей культурной идентичности в пограничных ситуациях, диктующих определенный выбор вектора собственных представлений в культуре.

В-третьих, как отмечается в литературе, экстремизм возникает не только на основе самоисключения из господствующего культурного кода, но также из-за невозможности включения, интеграции в базовую культуру [6, р. 114–122].

Не отрицая экономических, политических, этноконфессиональных и других причин существования экстремизма в сознании и поведении людей (материалистическое понимание истории еще никто не опровергал), мы считаем, что значительные ресурсы для противодействия им заложены в структурах человеческого сознания и мышления. Как отмечают специалисты, одной из причин существования экстремизма в сознании и поведении людей является перенесение бинарной (дихотомической) стратегии мышления, закрепленной канонами и законами формальной логики, эффективной в познании естественно-научных процессов, на метрику культуры. В ней, как и в гуманитарных процессах вообще, такое мышление перестает быть действенным, на его место становятся инклюзивная логика и мышление [7].

Понятие инклюзивности также достаточно популярно в научной литературе, поскольку становится очевидным, что только переход от эксклюзивной (разделительной) метрики организации культуры к инклюзивной (соединительной) может формировать толерантное мировосприятие, отвечающее духу мультикультурализма. Инклюзивность – это универсальная черта любой культуры, органически входящей в общечеловеческую [8].

Контур такой инклюзивной культуры применительно к религии были обрисованы директором Института философии РАН, академиком А.В. Смирновым: «...условием истинности твоего вероисповедания является неременное признание истинности любого другого вероисповедания. ...Твое вероисповедание не истинно, если ты не признаешь истинность любого другого вероисповедания. <...> ...Ибн Араби говорит: ты не можешь быть настоящим мусульманином в том случае, если отрицаешь истинность любого другого вероисповедания» [9, с. 50]. Думается, сказанное имеет общеметодологическое значение, т. е. верно в отношении не только религии, но и всей культуры в целом.

Думается, сказанное директором Института философии РАН имеет общеметодологическое значение, т. е. верно в отношении не только религии, но и всей культуры в целом.

Прежде всего инклюзивная культура признает ценность и паритетность всех возможных формообразований культуры: науки, искусства, философии, религии и т. д., каждая из которых по-своему позволяет человеку идентифицировать окружающий мир и себя в этом мире. Через это снимаются все крайности сциентизма и антисциентизма, рационализма и эмпиризма, атеизма, теизма и пантеизма, теоцентризма и антропоцентризма, монотеизма и политеизма, европоцентризма и востокоцентризма, западничества и славянофильства, панславянизма и пантюркизма и т. д. Эта идея о ценности всех возможных форм постижения мира впервые была обоснована Вл. Соловьевым в философии всеединства.

Еще одна важная особенность инклюзивного измерения культуры состоит в том, что оно отказывается от строго вертикального расположения различных культурных форм и метрик по

канонам классической формальной логики с ее законами противоречия и «исключенного третьего». Согласно этой бинарной (дихотомической) логике, не могут быть одинаково истинными два противоречащих суждения. Эта логика, как уже говорилось ранее, эффективна для естественнонаучного дискурса, но не совсем приемлема для культурной и мировоззренческой идентификации. Мало того, распространенная на гуманитарные и мировоззренческие процессы, она может породить различные экстремистские отклонения.

Принцип дополнительности, сформулированный в квантовой физике, может иметь общемировоззренческое и методологическое значение в качестве универсальной матрицы организации современной культуры. Различные культурные формы не могут быть организованы по принципу взаимного отрицания: инклюзивная метрика мышления признает сосуществование по принципу дополнительности всех культурных форм и способов постижения мира.

Инклюзивная матрица культуры, утверждая единство в многообразии, пытается осознать свою идентичность через общечеловеческое содержание и таким образом снять крайности различных «центристских» мыслительных и ценностных ориентаций. Современный постмодернизм не случайно отказывается от понятия «центр» в любой культурной парадигме и считает, что мышление по метрике «центр – периферия» является проявлением культурного эгоизма.

Здесь объективно может возникнуть вопрос: существует понятие толерантности, близкое по смыслу инклюзивности, стоит ли усложнять и без того сложные вещи? Заметим, что при всей смысловой близости понятий они существенно различаются. Во-первых, толерантность в большей степени отражает *практику* межкультурного взаимодействия, а инклюзивность – *логос* культуры, она ориентирована на сближение теоретических, мировоззренческих, философских оснований различных культурных кодов. Во-вторых, толерантными могут быть отношения между различными культурными концептами без взаимного признания их истинными. Сказанное подтверждает правомочность и эффективность применения метрики инклюзивности в культурном процессе.

Отсюда следует актуальный для управления культурным процессом вывод, имеющий прямой выход на механизмы исключения и предупреждения экстремизма. Инклюзивная матрица организации всей культуры настоятельно рекомендует отказаться от часто практикуемой запретительной стратегии в механизмах протекания культурного процесса. Вполне допустимо, что в определенных исторических условиях, диктуемых информационными возможностями общества, остротой классово-борьбы, низким образовательным уровнем основного населения и т. д., эта стратегия была оправданной и эффективной. Но история много раз доказывала, что запретительная стратегия в культуре неэффективна по самой своей сути. Как пример – запреты власти на распространение и чтение произведений Солженицына, Замятина, Набокова, Ницше и др., которые помешали читателям познакомиться с творчеством выдающихся писателей. Запретительные меры контрпродуктивны, они только усиливают ажиотаж и обостряют интерес. Чем оживленнее дискуссия вокруг того или иного произведения культуры, будь то книга и фильм, тем больше людей захотят прочитать и посмотреть их. Так было и в СССР: когда определенные книги и фильмы были под запретом, все старались с ними познакомиться. Сегодня же спрос на литературу гораздо меньше.

Запретительная матрица организации культуры контрпродуктивна еще и потому, что в этом выражается недоверие к интеллекту и нравственной закалке современного человека. Важно предоставить гражданам возможность самостоятельно определять матрицу оценки исторических и культурных событий. Российский гражданин, зритель, читатель в состоянии сам разобратся в драматургии и психологических глубинах относительно недавних явлений отечественной истории и культуры. Он много раз проявлял такую способность, даже в сложных идеологических и политических условиях тоталитаризма. Тем более он сможет самоопределиваться сейчас, в век демократии, культурной и информационной свободы.

Подводя итоги работы, отметим следующее. Практика борьбы с экстремизмом часто носит «кампанейский», пропагандистский и воспитательный характер. В такой форме она не всегда эффективна. Государство не должно открыто воспитывать граждан. Как говорил А.С. Макаренко, «сущность педагогической позиции воспитателя должна быть скрыта от воспитанников» [10, с. 323]. Это можно осуществить не столько через проведение специальных мероприятий, сколько через переориентацию стратегии мышления в современной культуре. Автором статьи предложен такой путь формирования инклюзивного мышления, который устранил причины для возникновения экстремизма в сознании и поведении людей и образует многовекторную и толерантную культуру.

Ссылки:

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2012. 23 янв. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 14.05.2019).

2. Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я. Социолингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44). С. 107–113 ; Меркулова Н.Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионоведение. 2015. № 2 (91). С. 188–196 ; Червякова Л.В. Семиотический подход к анализу креолизованных текстов на предмет выявления экстремистской направленности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, № 1. С. 41–44. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-1-41-44>.
3. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 3rd ed. N. Y., 2010. 576 p.
4. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, 2001. 616 p.
5. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Op. cit. P. 31.
6. Hofstede G. Op. cit. P. 114–122.
7. Магомедов К.М.: 1) Гносеологическая метрика мира и явление инклюзивности в культуре // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: духовно-нравственное воспитание молодежи : материалы IX международной научно-практической конференции (9–10 нояб. 2017 г.). Махачкала, 2017. С. 114–119 ; 2) Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры // Диалог культур в глобализирующемся мире : материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой, З.М. Абдуллаевой. Махачкала, 2018. С. 128–132.
8. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. 289 с. ; Бут Т., Эйнскоу М. Показатели инклюзии : практическое пособие : пер. с англ. 2-е изд. М., 2013. 123 с. ; Мамедзаде И. О философии мультикультурализма // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 203–208 ; Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004. 378 с. ; Степанянц М.Т. Предпосылки к развитию межкультурной философии (опыт Индии) // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 20–29 ; Чумаков А.Н., Королев А.Д. Философия. Толерантность. Глобализация. Китоаг VII Российского философского конгресса // Там же. 2016. № 7. С. 5–20.
9. Смирнов А.В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Проблемы российского самосознания: историческая память народа : материалы 12-й Всероссийской конференции (апрель 2015 г.). М. ; Махачкала, 2015. С. 43–53.
10. Макаренко А.С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 1. М., 1983. 368 с.

References:

- Benkhabib, S 2003, *Claims Culture. Equality and Diversity in the Global Era*, Moscow, 289 p., (in Russian).
- Berger, P & Huntington, S (eds) 2004, *Many-Sided Globalization. Cultural Diversity in the Modern World*, Moscow, 378 p., (in Russian).
- Booth, T & Ainskow, M 2013, *Indicators of Inclusion: a Practical Guide*, 2nd ed., Moscow, 123 p., (in Russian).
- Chervyakova, LV 2016, 'Semiotic Approach to the Analysis of Creolized Texts to Identify Extremist Orientation', *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, vol. 16, no. 1, pp. 41-44, <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-1-41-44>, (in Russian).
- Chumakov, AN & Korolev, AD 2016, 'Philosophy. Tolerance. Globalization. To the Results of the VII Russian Philosophical Congress', *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 5-20, (in Russian).
- Hofstede, G 2001, *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*, 2nd ed., Thousand Oaks, 616 p.
- Hofstede, G, Hofstede, GJ & Minkov, M 2010, *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, 3rd ed., New York, 576 p.
- Magomedov, KM 2017, 'Gnoseological Metric of the World and the Phenomenon of Inclusivity in Culture', *Dialog kul'tur i dialog v polikulturnom prostranstve: dukhovno-nravstvennoye vospitaniye molodezhi: materialy IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (9-10 noyab. 2017 g.)*, Makhachkala, pp. 114-119, (in Russian).
- Magomedov, KM 2018, 'On the Exclusive and Inclusive Metrics of the Organization of Culture', in VE Manapova, OS Mutieva & ZM Abdullaeva (eds), *Dialog kul'tur v globaliziruyushchetsya mire: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem)*, pp. 128-132, (in Russian).
- Makarenko, AS 1983, *Pedagogical Works*, in 8 vols, vol. 1, Moscow, 368 p., (in Russian).
- Mamedzade, I 2016, 'On the Philosophy of Multiculturalism', *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 203-208, (in Russian).
- Melnik, GS & Mizonzhnikov, BYa 2015, 'Sociolinguistic Markers of Extremist Text', *Gumanitarnyy vector*, no. 4 (44), pp. 107-113, (in Russian).
- Merkulova, NG 2015, 'Mentality – Cultural Code – the Language of Culture: on the Issue of Correlation of Concepts', *Regionologiya*, no. 2 (91), pp. 188-196, (in Russian).
- Putin, VV 2012, 'Russia: the National Question', *Nezavisimaya gazeta*, Jan. 23, viewed 14 May 2019, <http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html>, (in Russian).
- Smirnov, AV 2015, 'Classical Islam and Modern Dagestan: How Can One Read Islamic Heritage Today', *Problemy rossiyskogo samosoznaniya: istoricheskaya pamyat' naroda: materialy 12-y Vserossiyskoy konferentsii (aprel' 2015 g.)*, Moscow, Makhachkala, pp. 43-53, (in Russian).
- Stepanyants, MT 2017, 'Prerequisites for the Development of Intercultural Philosophy (the Experience of India)', *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 20-29, (in Russian).